

Научная статья

УДК 316.347

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.6

EDN UGASPA

**Возрождение казачества в современной России:
социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты****Виталий В. Ковалев¹**¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Аннотация

Введение. Определяется актуальность исследования, обоснованная ростом значения казачества как социальной группы в современных условиях. Ставится проблема, в соответствии с которой возрождению казачества препятствуют ряд социальных факторов, порожденных как историческим опытом взаимодействия данной социальной группы с государством, так и особенностями ее коммуникации с властью на современном этапе. Выдвигается гипотеза, согласно которой отсутствие ожидаемых результатов от процесса возрождения казачества вызвано неопределенностью его социального статуса.

Методы. Эмпирическое исследование проведено с применением методов массового опроса и работы с документами. Объект – казачество как этносоциальная группа. Место проведения – 13 войсковых казачьих обществ Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что наибольшие успехи возрождения казачества достигнуты в фестивальных и декоративно-прикладных аспектах культуры. Есть проблемы в воспроизводстве социокультурных традиций. В наши дни для их развития нет социальных условий. Казачье самоуправление развивается как элемент гражданского общества. Оно не интегрировано в муниципальную власть и еще больше дистанцировано от власти региональной. Служебная деятельность казаков получила реализацию в форме создания реестровых войсковых казачьих обществ. Правоспособность казаков фактически и формально приравнена в статусу народных дружинников. Традиционная нацеленность казачества на военную службу также оказалась не достигнутой. Процесс возрождения выявил дефекты социокультурной идентичности, что препятствует развитию служебной функции. К настоящему моменту казачество сложилось как этносоциальная общность, имеющая некоторые признаки культурной автономии экстерриториального характера. Потенциал роста не исчерпан даже в рамках действующей модели. Но для получения чего-то большего требуется изменить концепцию взаимодействия власти и казачества.

Ключевые слова: казачество; возрождение; социокультурные основы; служебные функции; самоорганизация казачества; государство; казаки; казачьи общества.

Для цитирования: Ковалев В.В. (2023). Возрождение казачества в современной России: социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), с. 62–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.6>

**Renaissance of Cossacks in modern Russia: sociocultural, organizational,
and military aspects****Vitaly V. Kovalev¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research, justified by the growing importance of the Cossacks as a social group in modern conditions, is defined. The article raises the problem, according to which a number of social factors, caused both by historical experience of interaction of this social group with the state and the specifics of its communication with the authorities at the present stage, impede the renaissance of the Cossacks. The hypothesis is put forward, according to which the lack of expected results from the process of Cossack renaissance is caused by the uncertainty of its social status.

Methods. The empirical study is conducted with the use of methods of mass survey and work with documents. The object – the Cossacks as an ethno-social group. The place of conducting – thirteen army Cossack societies of the Russian Federation.

The results and their discussion. The analysis showed that the greatest successes of Cossack renaissance have been achieved in festival and arts and crafts aspects of culture. There are problems in the reproduction of socio-cultural traditions. There are no social conditions for their development these days. Cossack self-government is developing as an element of civil society. It is not integrated into municipal authorities and distances itself even more from regional authorities. The service activity of Cossacks was realized in the form of creation of Registered Military Cossack Communities. Cossack legal capacity is in fact and formally equated to the status of people's vigilantes. The traditional focus of Cossacks on military service was not achieved either. The process of renaissance revealed the defects of the socio-cultural identity, which prevents the development of the service function. At present the Cossacks are an ethno-social community, which has some signs of cultural autonomy of an extraterritorial character. The growth potential is not exhausted even within the current model. But in order to achieve something greater, the concept of interaction between the authorities and the Cossacks must be changed.

Keywords: Cossacks; renaissance; socio-cultural foundations; service functions; self-organization of Cossacks; State; Cossack societies.

For citation: Kovalev V.V. (2023). Renaissance of Cossacks in modern Russia: socio-cultural, organizational and military-service aspects. *Caucasian Science Bridge*, 6 (1), p. 62–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.6>

Введение

Проблема возрождения казачества, актуализированная на закате существования СССР, уходит корнями в политику репрессий, с которой казаки столкнулись в годы гражданской войны. Начало сосуществования казачества с советской властью ознаменовалось многочисленными конфликтами и острыми противоречиями. На первых порах, очевидно, имея опыт активной поддержки новой власти со стороны беднейшей части казаков, большевики были склонны к компромиссам (Долгов, 2008). Однако мир между казаками и новой властью продлился недолго. 24 января 1919 г. государство делает резкий крен в сторону ликвидации казачества. Партийные ячейки Дона и Урала получают письмо, подписанное Я.М. Свердловым, с которого начинается политика террора по отношению к казакам (Письмо-циркуляр..., 1989). Цель этой политики – разрушить социокультурную основу, исторически сложившиеся формы самоорганизации и особый характер служебной деятельности казаков. С обострением или затуханием остроты конфликта данная стратегия реализовывалась всеми руководителями советского государства.

Начавшаяся в 1985 г. «перестройка» воскресила интерес к казачеству. И речь идет не только о восстановлении исторической памяти. Казачество вновь показало себя как значимую социальную силу, способную заявлять требования и отстаивать свои права. Следовательно, возрождение казачества нельзя рассматривать только как культурный феномен, сохранившийся в памяти потомков. Это реальная социальная сила нашего времени. Она способна действовать и проявлять себя как в историко-культурных формах, так и в процессе активного участия в социально-политической жизни страны, не исключая военную функцию, наиболее значимую из всех, которые традиционно возлагались на казачество.

Нам сейчас трудно сказать, каковы пределы возрождения казачества. Нужно ли достигнуть в полной мере существовавших ранее исторических границ и возродить старую сословную единицу с приписанными ей военно-охранительными задачами или стоит ограничиваться социокультурными рамками и адаптацией старых форм казачьего самоуправления к общероссийским стандартам муниципальной власти? Это покажет, и уже в скором времени, развитие событий. На этапе же постановки проблемы мы готовы определить лишь когнитивные рамки для исследования, имея в виду фиксацию внимания на трех аспектах возрождения казачества: социокультурном, самоорганизации казаков и их готовности к служебной деятельности.

Методы исследования

Эмпирическое исследование проведено с применением методов массового опроса и работы с документами.

Массовый социологический опрос проводился в сентябре–октябре 2022 г. в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования России на тему «Социальный и психологические портрет современного российского казачества». Место проведения – 13 войсковых казачьих обществ Российской Федерации. Опрос реализовывался на интернет-панели «Анкетолог» (anketolog.ru). Выборка составила 2480 респондентов. Критерии отбора респондентов определены по полу, возрасту и войсковым казачьим обществам.

В качестве документов привлекались действующие и утратившие юридическую силу нормативно-правовые акты, регулирующие правовой статус казачества.

Результаты исследования

Социокультурное возрождение казачества. С начала и до конца 1990-х гг. социокультурное возрождение казачества ориентировалось на стратегическую цель преодолеть образовавшийся во времена советской власти межпоколенческий разрыв. По времени это совпало с духовным вакуумом, пришедшим на смену советским ценностям и ритуалам. В каком-то смысле подобный шаг следует оценивать как искусственное воспроизводство традиций архаичного типа, что возможно лишь при наличии тех исторических условий, в рамках которых эти традиции сформировались. Очевидно, что реконструкция казачьего быта столкнулась с рядом проблем.

Это видно и с точки зрения презентации результатов процесса от самих казаков (табл. 1).

Таблица 1

Стадия возрождения казачества в России на современном этапе, %

Варианты ответов	Общие распределения	Пол		Возраст, лет				
		м	ж	18–23	24–35	36–50	51–65	Старше 65
Этот процесс в целом завершился	4,8	5,2	4,2	11,6	4,3	2,8	1,6	2,8
Этот процесс активно идет	41,5	35,3	49,7	50,0	46,5	35,8	39,6	34,9
Этот процесс только начинается	18,4	18,8	18,0	15,8	16,9	22,4	16,3	13,8
Трудно сказать: что-то возрождается, что-то – нет	20,2	20,7	19,4	15,7	21,2	22,0	21,9	16,5
В том виде, каким было казачество до революции, – его не возродить	15,1	20,0	8,7	6,9	11,1	17,0	20,5	32,1

Как видно по результатам, крайние позиции оказались наименее популярными. При этом позиция, в соответствии с которой казачество в своей аутентичной форме не может возродиться, превалирует над мнением, согласно которому процесс возрождения казачества уже завершился (15,1 и 4,8% соответственно). Однако придавать этому результату слишком большое значение не стоит. Подавляющее большинство респондентов исходят из того, что процесс возрождения казачества находится в активной фазе (41,5%), что-то в этом процессе достигает желаемых результа-

тов, а что-то нет (20,2%). И наконец, некоторую часть респондентов можно отнести к группе скептиков, так как, по их мнению, процесс возрождения казачества только начинается (18,4%). Очевидно, в этой группе наблюдается скептическое отношение к тому, что происходило вокруг казачества предыдущие три десятилетия, и позитивное к современным процессам.

Определенное движение по пути социокультурного возрождения было пройдено. Тем не менее к началу нового тысячелетия этот процесс входит в фазу инерции, приобретая в какой-то степени ритуально-имитационные очертания. О.В. Рвачова для характеристики периода двух последних десятилетий вводит, на наш взгляд, очень удачный термин – «музеефикация культуры» (Рвачова, Лабрюни, 2020). Под ним понимается резкая поляризация между исторической традицией и реальными культурными практиками. Возрождение казачества перемещается в пространство музеев, фестивалей, праздников, а повседневность модифицируется, модернизируется, развивается под влиянием иных культурных образцов, задаваемых потребностями современной жизни. Не случайно с начала 2000-х гг. интерес к казачеству среди широких масс отождествляется с участием в ритуально-праздничных формах. Среди них наиболее популярными стали такие мероприятия, как «Донская красавица», «Баклановский удар», «Шермиции», «Золотой щит – казачий спас», «Мы – внуки деда Ермака» и др. Для более эффективного и эффектного погружения в мир исторического прошлого в казачьих регионах широкий размах приобрело строительство этнопарков. Это «Кумжа», открытая в 2018 г. в Ростове-на-Дону, «Атамань», построенная на Кубани еще в 2009 г., «Эртиль» – этнопарк в Воронежской области, в городе с одноименным названием.

Все это, безусловно, очень важно, но если давать результирующую оценку рассмотренным вопросам, то в значительной степени социокультурное возрождение казачества трансформировалось в ритуально-праздничную реконструкцию казачьего быта и знаковых исторических событий. По мнению И.О. Тюменцева, в значительной степени это связано с исходными интенциями возрождения. На своей первоначальной стадии оно проходило в форме архаизации, т.е. намерения буквально воспроизвести исторически исчезнувшие культурные формы (Тюменцев, 2006). Это сыграло положительную роль в тяжелых 1990-х гг., когда был велик запрос на любые действенные инструменты культурной регуляции, но с улучшением общих условий жизни, переходом на новую стадию модернизации российского социума, пусть и не вполне успешную, потребность в прямой трансляции казачьей культуры из исторического прошлого на современность утратила свою самооценку. Для многих казачество становится игрой в прошлое, чем-то не вполне настоящим, разновидностью досуга как приятного времяпрепровождения.

Самоорганизация казачьего движения. Казачество – это не только социокультурный, находящийся в стадии возрождения (или реконструкции) феномен. Оно также обладает свойствами самоорганизованного сообщества. Данный дуализм казачьего мира отражен уже в двух первых документах, принятых российской властью применительно к казакам, – Законе РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» и Указе Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов”». В них говорится о двух разных ипостасях казачества: культурно-этнической общности и казачьем обществе. Иными словами, закон и президентский указ постулируют, что, являясь этносом с присущими ему социокультурными признаками, казаки проявляют их через исторически выработанные формы самоорганизации.

Надо сказать, что самоуправление казаков претерпело серьезные изменения, эволюционируя в XVI–XVII вв. от казачьей республики со всеми атрибутами публичной власти к местному самоуправлению с расширенными полномочиями в начале XX столетия (Кусмарцев, 2009). Поэтому у казаков, особенно донских и кубанских, после распада СССР имелся широкий спектр возможностей для организации своего мира, вплоть до полного отделения от Российской Федерации.

Оценивая первые опыты возрождения казачьего самоуправления и характер массового сознания казаков рубежа 1980–1990-х гг., можно с максимальной уверенностью утверждать, что у радикальных планов большого количества сторонников не было. В этом контексте нелишним будет сказать, что первая инициатива по созданию казачьих сообществ оказалась реализованной в Москве. Центром самоорганизации казачества выступило Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Именно оно инициировало 5 января 1990 г. созыв учредительного круга Московского землячества казаков, на котором были приняты документы, сыгравшую большую роль в развитии казачьего движения. Казачье движение организационно стало оформляться сверху, постепенно распространяясь на свои исторические окраины.

На первом этапе движения одним из главных вопросов было установление критериев, на основе которых допускалось принимать в казаки. Первоначально предполагалось, что допуск мог быть дан только потомкам казаков, проживавших на исторических казачьих территориях, переселенцев в другие города России или зарубежных мигрантов. На то предоставлялись специальные разъяснения. Так, отвечая на многочисленные письма желающих вступить в казаки, член правления Большого Круга союза казаков А.Г. Ичев недвусмысленно указал на следующее: «Вступить в Союз может каждый, имеющий родовые корни в казачьих землячествах. Основанием для вступления являются указания о происхождении родителей из округов казачьих войск» (Горбунова, 2012). Однако уже спустя некоторое время политика по данному вопросу изменилась и принимать в казаки стали всех желающих. Достаточно было обещать жить по казачьим законам, соблюдать традиции казаков и исповедовать православную веру. Желавшему вступить в ряды казаков отводилось три месяца на испытательный срок, а далее, если за него поручался Совет стариков и на круге голосовало не менее двух третей от всех присутствующих, то он считался принятым в казаки.

Дальнейшее развитие пошло по линии артикуляции органами казачьей власти своих требований. Максимально полно это было сделано на заседании атаманов Большого Круга союза казаков, состоявшегося в конце ноября 1990 г. в Краснодаре. В частности, предлагалось воссоздать казачье самоуправление, освободить казаков от налогообложения сроком на пять лет, ввести казачье землепользование, создать казачьи органы власти в федеральных структурах государства.

Большая часть идей, артикулируемых движением, легализована не была. Как раз наоборот, они признавались не соответствующими действующему законодательству. В то же время, несмотря на действия казаков в правовом вакууме, определенная часть КПСС, понимая, что власть ускользает, попыталась выстроить партнерские отношения с органами казачьего самоуправления с целью использовать казачество для подавления политических оппонентов. В частности, это выразилось в принятии 13 декабря 1990 г. Президиумом областного совета народных депутатов Ростовской области постановления «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству», в котором требования казаков о создании структур самоуправления, специализированных школ и казачьего землепользования были поддержаны. Руководствуясь указанным постановлением,

советско-партийные органы власти фактически постарались подчинить себе казачье движение, чтобы использовать его как ресурс для борьбы против набирающей все более широкую поддержку со стороны народа демократической оппозиции. Вследствие этого среди казаков уже на начальной стадии самоорганизации произошел раскол по причине отказа его части сотрудничать с коммунистами, виновными в политике расказачивания. «Раскольники» оказались в явном меньшинстве. Показательно, что московское руководство, СКОВД, Кубанская Рада на выборах Президента России выступили в поддержку Николая Рыжкова. За Бориса Ельцина призывали голосовать так называемые «белые» казаки, не имевшие на тот момент оформленных организационных структур.

События, произошедшие после августовского путча, привели к замене на подмостках истории основных участников, в том числе во главе Большого Круга Союза казаков, но не привели к пересмотру принципов взаимодействия с государством. На авансцену вышли другие руководители, аффилированные уже с демократами из окружения российского Президента. «Белые» казаки одержали верх над «красными», а сотрудничество с органами государства стало только укрепляться. Тому содействовала не только нестабильная политическая ситуация, но и отсутствие у организаций казаков политического статуса. Они по-прежнему действовали как элемент гражданского общества. Поэтому требования о создании казачьей республики были переадресованы новому российскому руководству.

Чтобы решить дилемму казачьего меньшинства и неказачьего большинства, 13 декабря 1991 г. руководством СКОВД был издан приказ № 35 «О регистрации казаков и приписке коренного населения области, считающего себя коренными жителями области войска Донского и разделяющего чаяния казаков о правопреемственности исторических, культурных и материальных ценностей ранее упраздненного казачье-национального образования», которым фактически обязали всех жителей Ростовской области зарегистрироваться казаками в течение двух месяцев (Дулимов, 2002). Истоки подобного посыла очевидны. Если всех (или подавляющее большинство) жителей Ростовской области записать в казаки, то появится основание потребовать передачи политических прерогатив от органов государственной власти к устоявшимся на тот момент структурам власти казаков. Новая столица Дона уже была перенесена из Ростова-на-Дону в Новочеркасск. Повторение подобного сюжета могло быть ожидаемым и в других казачьих регионах.

Такое развитие событий вызвало острую обеспокоенность в Москве. Указом Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов”» добровольно-принудительная запись в казаки запрещалась. Этим же актом были установлены границы казачьего самоуправления: хуторские, станичные, окружные и войсковые казачьи общества. Уставы, по которым эти общества действовали, утверждались местными администрациями, а устав войскового казачьего общества – лично Президентом РФ. Таким образом, казачье самоуправление не только не получило статуса государственного, а, напротив, само оказалось под административным контролем государства. В то же время нельзя не отметить, что указом допускалось создание традиционных форм казачьего самоуправления, что оставляло определенные лазейки для интеграции публичной и казачьей властей. Дополнительные разъяснения президентского указа были даны в последовавшем за ним Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества». Оно имеет юридическую силу даже сейчас. Применительно к организационному аспекту в п. 3 отмечается, что казаки имеют право на «установление терри-

ториального общественного самоуправления в местах компактного проживания казаков в традиционных для казачества формах в соответствии с Законом Российской Федерации «О местном самоуправлении в Российской Федерации». В то же время дается специальное уточнение, в соответствии с которым положения, отраженные в п. 3, «не должны ущемлять права каких-либо других групп населения или отдельных граждан и не означают наделение казачества какими-либо привилегиями, которые могут толковаться как сословные».

Как видим, развитию казачьего самоуправления были поставлены жесткие границы, исключающие возможность его трансформации в органы власти, наделенные публичными полномочиями. Несмотря на это, в первой половине 1990-х гг. имели место даже военные столкновения между властями и казачьими формированиями.

Во второй половине 1990-х гг. вооруженное противостояние казаков и региональных властей сменилось сотрудничеством. По подсчетам А.Г. Масалова, только с 1995 по 1998 г. в администрации Президента РФ было подготовлено и принято 104 правовых акта, регулирующих отношения с казачеством (Масалов, 2003). В основном они касались привлечения казачества к служебной деятельности. Однако когда потребность в этой стороне сотрудничества перестала быть актуальной, наступило время охлаждения. Закономерным итогом стало упразднение в 1997 г. Совета по делам казачества при Президенте России. Последние годы правления Б.Н. Ельцина и первые годы президентства В.В. Путина показали намерение государства увеличить дистанцию взаимодействия с казаками.

Что касается собственно вопроса самоуправления, то с начала 2000-х гг. казачьи организации полностью исчерпали свой публичный потенциал на претензию к осуществлению государственных полномочий. Это произошло после резкого изменения государственной политики в отношении казачества. В годы правления Президента В.В. Путина борьба с любыми проявлениями сепаратизма начинает рассматриваться в качестве одного из наиболее главных приоритетов. Между тем казачество после событий середины 1990-х гг. стало идентифицироваться с фактором, нарушающим авторитет федерального центра. После издания ФЗ № 131 «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» федеральная власть наметила стратегию развития на нивелирование различий между региональными моделями управления. В основу был положен принцип унификации, в котором идеям о казачьем самоуправлении места не оказалось. Казачьи организации в своем правовом статусе окончательно уравниваются со всеми лишеными политических признаков общественными организациями. Их значение отныне рассматривается федеральной властью исключительно в контексте социокультурного возрождения казачества, прежде всего – как элемента общего патриотического воспитания молодежи.

Современное состояние дел по этому вопросу очень хорошо заметно на примере оценок самих казаков (табл. 2).

По переменной «самоуправление в местах компактного проживания казаков» ситуация в простых частотных измерениях показала наихудший по сравнению с социокультурными параметрами уровень веры в способность казачества к возрождению. Так, достаточным его признали 34,2% опрошенных, недостаточным – 42,3%, очень слабо реализованным – 19,4%, невозможным к восстановлению – 4,2%. Это ожидаемо, поскольку казакам так и не удалось добиться восстановления традиционных казачьих инструментов самоуправления в статусе реальных органов муниципальной власти. Современное законодательство России в данном аспекте имеет унифициро-

Таблица 2

**Оценка результатов возрождения самоуправления
в местах компактного проживания казаков, %**

Пол		Достаточно	Недостаточно	Очень слабо	Нельзя восстановить
Возраст респондентов мужского пола	18–23	59,4	31,2	7,5	1,9
	24–35	28,1	46,2	23,8	1,9
	36–50	15,6	45,8	31,7	6,8
	51–65	13,7	51,2	27,0	8,2
	Старше 65	14,8	42,0	32,1	11,1
	Всего	26,5	43,6	24,3	5,6
Возраст респондентов женского пола	18–23	61,5	31,2	5,4	1,9
	24–35	45,2	40,9	13,4	0,5
	36–50	36,7	46,7	14,2	2,4
	51–65	34,4	43,5	19,1	2,9
	Старше 65	57,1	25,0	7,1	10,7
	Всего	44,4	40,7	12,7	2,3

ванный характер, не делая поправок на исторические особенности, в том числе те, которые были в казачьих регионах.

Полученные негативные оценки заметно выделяются по гендерному признаку. Так, достаточным возрождение казачьего самоуправления посчитало лишь 26,5% мужчин против гораздо более оптимистичного мнения женщин – 44,4%. Столь сильный разброс в суждениях вызван, скорее всего, тем, что женщины исторически не выполняли в казачьей среде публичные функции. Отсюда то ли непонимание, то ли равнодушие к этому вопросу на современном этапе.

Гораздо более сильные опасения внушают различия по возрастному признаку у мужчин. 59,4% молодых казаков в возрасте 18–23 года убеждены в достаточности результатов возрождения самоуправления в местах компактного проживания казаков. Между тем, в возрастной когорте 36–50 лет таковых всего 15,6%, а в группе 51–64 года – и вовсе 13,7%. Столь значимое распределение позиций свидетельствует о том, что молодые казаки либо не очень хорошо понимают, что такое казачье самоуправление, либо удовлетворяются тем несколько бутафорным его образом, который сейчас сложился как формальный придаток к государственной власти.

Служебная деятельность казаков. Вопросы служебной деятельности казаков неразрывно связаны с двумя предыдущими аспектами заявленной проблематики, и следует признать закономерным, что внимание к этой стороне процесса возрождения казачества четко обозначилось еще на самых его ранних стадиях. Однако до определенного времени служба казаков находилась в тени социокультурного возрождения и организационного становления.

Все изменилось после распада СССР, но в первую очередь после актуализации угрозы того, что история России может пойти по такому же сценарию. В этих условиях казаки начинают заявлять о себе как о реальной силе, способной остановить развитие сепаратизма и предотвратить развал страны. Со всех казачьих

регионов казаки собираются в военные отряды и принимают активное участие в боевых столкновениях в горячих точках на территории бывшего СССР, а также за его пределами, на Балканах. Никакими правовыми документами это не обосновывалось, военного призыва со стороны руководства страны тоже не было. Казаками двигало внутренне осознанное стремление выполнять свою историческую миссию, которая на них возлагалась самим фактом становления казачества как военного сословия.

Таким образом, участие казаков в боевых столкновениях нужно рассматривать в качестве общего процесса возрождения казачества. Однако вопрос о том, какие векторы примет этот процесс, долгое время оставался открытым. Нормативной базы по использованию казачьих дружин в роли боевых отрядов, наряду с общевоинскими соединениями, не существовало. Настоятельная потребность в правовом регулировании службы казаков возникла лишь после того, как они в массовом порядке начали возвращаться с театра боевых действий и, обладая опытом использования оружия, а также самим оружием, стали предпринимать попытки легализации своего статуса силовым путем. Власть отреагировала принятием Указа Президента РФ от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» и разработанного на его основе «Временного положения о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации».

Главным последствием этих актов стало разделение казачества на две основные группы: реестровых и нереестровых. Первые допускались к государственной службе; вторые действовали в рамках сложившихся форм гражданского общества. Главный недостаток перечисленных документов состоял в том, что ими не была установлена правовая природа казачьей службы. Они подробно обозначили механизм перехода казаков в реестровый статус, но не дали ясного понимания правоспособности казаков, участвующих в государственной службе. Частично этот пробел восполнялся принятым годом ранее (22 апреля 1994 г.) Постановлением Правительства РФ № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству». В соответствии с ним идея реестровой службы строилась на исполнении казаками служебных обязанностей за получение налоговых льгот, определенных прав на землю и, в перспективе, за право на воссоздание исторически сложившегося у казаков самоуправления, т.е. отличного от действовавшего на территории всей остальной России (Мациевский, 2011). Так, в качестве одной из идей предлагалось регистрировать казачьи организации не в Минюсте, как это делалось для прочих структур гражданского общества, а в Министерстве по делам национальностей и региональной политики. Во исполнение всех перечисленных идей 20 января 1996 г. принимается Указ Президента РФ № 67 «О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации» и ряд других нормативных актов. Подобный подход позволяет говорить о наличии на тот момент интенций на возрождение казачества как сословной группы, имеющей не только права, но и исключительные обязанности на несение различных форм государственной службы: военной, таможенной, пограничной, егерской, противопожарной, охраны общественного порядка и т.п. Однако, как отмечается в научной литературе, ничего из обещанного в плане предоставления льгот и привилегий властями выполнено не было (Озеров, 2003). Кроме того, сама идея о сословном характере казачьей службы встретила резкое неприятие со стороны одного из главных государственных институтов, куда она была по преимуществу направлена, – армии. Руководители вооруженных сил выступили резко против комплекции воинских соединений по территориальному принципу. По всей видимости,

власти всерьез и не рассчитывали выполнять свои обещания. Итогом стало существенное сокращение реестровой численности казачества.

Ситуация с возникшими противоречиями между устремлениями казаков и определяемыми властями ресурсными возможностями казачества стала разрешаться уже в годы президентства В.В. Путина. Прежде всего, произошел отказ от концепции возрождения казачьей службы на сословных основаниях. Показательна в этом плане «Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года» (утв. Президентом РФ 15.09.2012 № Пр-2789). В ней четко заявлялось, что казачество является составной частью гражданского общества, а его возрождение имеет социокультурный характер. Целью самого процесса возрождения определялось «содействие развитию и консолидации российского казачества посредством усиления его роли в решении государственных и муниципальных задач...» (Стратегия развития...). При таком понимании выгоды казаков от участия в исполнении служебных функций государства заключались в том, что для казачества служебная деятельность объективно содействует его возрождению, а следовательно, не нуждается в какой-то дополнительной мотивации со стороны властей. В этой концепции казаки превращаются в гражданских активистов, участвующих в отправлении делегированных им государством функций по преимуществу на безвозмездной основе. Они заинтересованы в реализации государственной службы в большей степени, чем само государство, а следовательно, у казаков нет оснований требовать себе нечто большее, чем позволяют себе не казачьи элементы гражданского общества (Житенев, 2017).

Принятый 5 декабря 2005 г. Федеральный закон № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» полностью выстроен на представленных выше концептуальных основаниях. Служба казаков имеет разнонаправленный вектор применения, регулируется федеральным законодательством и осуществляется на контрактной основе. По сути, здесь нет никаких отличий от государственной службы обычных граждан. Кроме разве что реестровой принадлежности к одному из 11 войсковых казачьих обществ. При этом данная принадлежность не позволяет приобрести тот реальный объем полномочий, которыми пользуются федеральные государственные служащие. Например, при охране общественного порядка казаки не имеют права проводить задержания или выписывать постановления о штрафах. С принятием 2 апреля 2014 г. Федерального закона № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» казачьи дружины приобрели на равных основаниях с другими гражданами право проводить задержания, но их правоспособность осталась совершенно неэквивалентной прерогативам сотрудников полиции. Характер правовой защищенности казаков от понесенного в ходе исполнения служебных полномочий ущерба очень сильно разнится в зависимости от региона, что считаем необоснованным, так как возможности у региональных властей разные, да и распределение поддерживающих ресурсов часто зависит от субъективных представлений чиновников на местах.

Все эти проблемы также отчетливо отражаются в результатах проведенного социологического опроса (табл. 3).

В целом можно сделать вывод, что реализация служебной деятельности со стороны казачества не соответствует общему тренду на его возрождение. К настоящему моменту казачество представляет собой что-то вроде государственного резерва на неопределенный случай, но фактически не имеет ни мотивации для исполнения служебных функций, ни соответствующих полномочий, чтобы его государственная деятельность была эффективной. Казачьи организации растворились в структурах

Таблица 3

Оценка результатов возрождения готовности к государственной службе (не военной), %

Пол		Достаточно	Недостаточно	Очень слабо	Нельзя восстано- вить
Возраст респондентов мужского пола	18–23	72,1	21,8	4,2	1,9
	24–35	44,8	37,1	14,8	3,3
	36–50	31,0	48,3	19,4	1,3
	51–65	29,7	46,4	21,2	2,7
	Старше 65	29,6	48,1	16,0	6,2
	Всего	41,6	40,5	15,6	2,3
Возраст респондент- товженского пола	18–23	70,4	21,2	6,9	1,5
	24–35	59,7	36,6	3,8	0,0
	36–50	49,6	39,6	9,8	1,1
	51–65	52,2	36,8	10,5	0,5
	Старше 65	57,1	25,0	10,7	7,1
	Всего	57,2	33,6	8,2	1,0

гражданского общества и подобно другим его компонентам находятся в режиме ручного управления федеральной власти. При таких обстоятельствах рассчитывать на то, что казачество станет значимым фактором по исполнению служебных функций государства, не приходится.

Обсуждение результатов исследования

Т.С. Рудиченко и М.А. Рыблова считают, что возрождение казачества исходно находилось в невыгодных позициях, так как партийная номенклатура практически весь советский период занималась трансплантацией общероссийских обычаев и норм в среду казачьего быта, следствием чего стало практически полное его окрестьянивание уже к началу 1970-х гг. (Рудиченко, Рыблова, 2014). Таким образом, возрождение казаков проходило из обобщения сохранившегося индивидуального опыта, что привело к появлению многочисленных трудностей на этом пути.

Одна из них – утрата преемственности в межпоколенной социализации. Культура не может передаваться эффективно в условиях разрыва между поколениями. Применительно к казачьей среде не будет преувеличением сказать о насильственном разрыве. Был нарушен естественный механизм передачи социокультурного опыта. Поэтому с конца 1980-х гг. она во многом приобрела искусственный характер. Это дало основание С. Маркедонову говорить о так называемом неоказачестве, пришедшем на смену исторически аутентичным казакам (Маркедонов, 2011). Введением в научный оборот нового термина С. Маркедонов подчеркивает наличие у современных казаков социокультурных качеств, которых не было у их исторических предшественников (Маркедонов, 2005). В подобном понимании возрождение казачества предстает более сложным явлением, чем простое воспроизводство исчезнувших образцов поведения.

Ряд ученых указывает на такой барьер казачьего ренессанса, как разрушение единого социального мира казаков, их растворение в неказачьей массе, широкий

разброс по разным регионам, а также вынужденная миграция (Водолацкий и др., 2011). Исторически казаки жили тесными, сплоченными сообществами, свято оберегающими свои территории от проникновения чужаков. В современных условиях казачья культура оказалась модернизированной, так как стала частью общего русского мира (Артамонова, 2014). Поэтому возрождение старых казачьих традиций дополнительно усложняется необходимостью реконструкции прежнего социального мира казаков.

Как это ни парадоксально, но возрождению казачества препятствует незрелость гражданского общества в России. Точнее сказать, казачье движение могло бы развиваться в едином русле с развитием гражданского общества. Но этого не происходит по универсальным причинам. Практически все социальные интеракции, в том числе реализуемые казаками, попадают под пристальный контроль органов государственной власти. Инициативность низов формализуется и выхолащивается. Из-за этого отсутствуют те социальные практики, в которых мог бы осуществляться тренинг образцов культуры, выработанных казаками в процессе своего исторического развития (Бугай, 2019).

Заключение

Если измерять процесс возрождения казачества в координатах исходного замысла и достигнутого результата, то успехи имеют крайне неоднородный характер.

Наибольшие достижения показаны в некоторых аспектах культуры: получили новую жизнь казачьи песни и пляски, интенсивно проводятся научные исследования, повсеместно создаются краеведческие музеи, этнопарки и т.п. Хуже обстоит дело с воспроизводством социокультурных традиций. Реконструкция казачьего уклада в повседневной социальной жизни входит в противоречие с многочисленными трендами современности. Старые казачьи традиции возникали в другом мире. В наши дни для их развития нет социальных условий. Из-за этого сам процесс возрождения приобретает в некотором роде имитационно-фестивальные очертания.

Казачье самоуправление на этапе замысла позиционировалось его инициаторами в несколько иных формах, чем оно в конечном итоге образовалось. Предполагалось, что будет создана казачья республика. Между тем функционирующие в настоящее время 13 казачьих воинских обществ по своему правовому статусу ничем не отличаются от прочих элементов гражданского общества. Они не интегрированы в муниципальную власть и еще больше дистанцированы от власти региональной. У них нет функций публичных органов власти, а любые контакты с государством проводятся по тем же правилам, которые адресованы другим общественным организациям.

Служебная деятельность казаков получила реализацию в форме создания реестровых войсковых казачьих обществ. Вступившие в реестр казаки приобретают право участвовать в реализации государственной службы, не получая, однако, полного объема полномочий и прерогатив, которые имеются у государственных служащих. Правоспособность казаков фактически и формально приравнена в статусу народных дружинников. Традиционная нацеленность казачества на военную службу также оказалась не достигнутой. В армии в настоящее время действует несколько соединений, имеющих в своем названии прилагательное «казачье», но численный состав казаков в них не превышает 5–10%. Такое положение отражает позицию Министерства обороны, которое выступает против комплектования вооруженных соединений по территориальному принципу.

Фундаментом общего возрождения казачества является его социокультурная идентичность. Какие бы векторы оно ни приобрело, без данного фундамента сама идея повисает в воздухе. Казак должен понимать, что его принадлежность к группе, пользующейся особыми правами, основывается на чем-то более основательном и лично для него более значимом, чем государственные программы и федеральные законы. У казаков должно быть культурное самосознание как прочная платформа для выполнения военно-служебных функций. Если в культурном плане казачество предстанет как фикция, исчезнувший в прошлом культурно-исторический феномен, то попытки привлечь казаков к служебной деятельности не будут иметь ожидаемой результативности.

Процесс возрождения казачества, безусловно, достиг определенных успехов. К настоящему моменту казачество сложилось как социальная общность, имеющая некоторые признаки культурной автономии экстерриториального характера. Потенциал роста не исчерпан даже в рамках действующей модели. Для получения чего-то большего требуется изменить концепцию взаимодействия власти и казачества.

Литература

- Артамонова, М.Г. (2014). Социокультурные проблемы возрождения современного казачества. *Уровень жизни населения регионов России*, 3, 152–164.
- Бугай, Н.Ф. (2019). Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 24(4), 148–163.
- Водолацкий, В.П., Волков, Ю.Г., Барков, Ф.А. и др. (2011). Аналитический доклад по проекту современной России (на примере донского казачества). Ростов н/Д: Южно-Российский филиал Института социологии РАН.
- Горбунова, Н.В. (2012). Самоорганизация казачьих сообществ России на начальном этапе движения за возрождение казачества. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 6, 50–54.
- Долгов, К.Е. (2008). Большевики и донское казачество в 1918–1920 гг. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 74–1, 164–170.
- Дулимов, Е.И. (2002). Их истории движения возрождения казачества и восстановления казачьей автономии в первой половине 1990-х годов. *Юристъ-Правоведъ*, 1, 79–85.
- Житенев, А.В. (2017). Возрождение казачества в конце XX – начале XXI в. *Альманах мировой науки*, 3–2, 27–32.
- Кусмарцев, К.М. (2009). Генезис казачьего самоуправления. В *Ars Administrandi*. Сборник статей. Пермь: ПГУ, 2009.
- Маркедонов, С.М. (2005). Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ). *Общественные науки и современность*, 1, 95–108.
- Маркедонов, С.М. (2011). Российское неказачество. Поиски «золотого века». *Знамя*, 9, 214–218.
- Масалов, А.Г. (2003). Возрождение российского казачества: опыт политологического анализа. *Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 4, 44–48.
- Мациевский, Г.О. (2011). Возрождение российского казачества в конце XX в.: основные источники и особенности. *Вестник КрасГАУ*, 10, 209–216.
- Озеров, А.А. (2003). Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект): (автореферат кандидатской диссертации). Ростов-на-Дону.
- Письмо-циркуляр Я.М. Свердлова от 24 января 1919 г. (1989). *Известия ЦК КПСС*, 6, 178.
- Программа возрождения казачества Волгограда. 1994 г. *Центр документации новейшей истории Волгоградской области*. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.
- Рвачова, О.В., Лабрюни, П.Г. (2020). Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 25(5), 197–212.
- Рудиченко, Т.С. (2004). Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. консерватории им. С.В. Рахманинова.
- Рудиченко, Т.С., Рыблова, М.А. (2014)ю Основные направления и факторы социокультурных трансформаций XX в. В *Очерки истории и культуры казачества Юга России*. Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС.
- Табolina, Т.В. (1999). Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М.: ИЭиА РАН.

Тюменцев, И.О. (2006). К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ. В Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации. Сборник статей. Черкесск: Карач.-Черк. гос. тех. академия.

Щупленков, Н.О., Щупленков, О.В. (2018). Возрождение казачества в новых социальных условиях: многообразие подходов. *Геополитика и патриотическое воспитание*, 32, 8–19.

Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года (утв. Президентом РФ 15.09.2012 № Пр-2789). Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v/>.

References

- Artamonova, M.G. (2014). Sociocultural problems of the revival of modern Cossacks. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 3, 152–164.
- Bugay, N.F. (2019). Russian Cossacks and the problem of identity with the question: who are we? *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships*, 24(4), 148–163.
- Dolgov, K.E. (2008). Bolsheviks and the Don Cossacks in 1918–1920. *Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia*, 74–1, 164–170.
- Dulimov, E.I. (2002). I histories of the Cossack revival movement and the restoration of Cossack autonomy in the first half of the 1990s. *Legal Lawyer*, 1, 79–85.
- Gorbunova, N.V. (2012). Self-organization of Cossack communities in Russia at the initial stage of the movement for the revival of the Cossacks. *Humanities and socio-economic sciences*, 6, 50–54.
- Kusmartsev, K.M. (2009). Genesis of Cossack self-government. In *Ars Administrandi. Collection of articles*. Perm: PSU.
- Letter-circular by Y.M. Sverdlov of January 24, 1919 (1989). *Izvestia of the CPSU Central Committee*, 6, 178.
- Markedonov, S.M. (2005). Cossacks: unity or Diversity? (Problems of Terminology and Typology of Cossack Communities). *Social Sciences and Modernity*, 1, 95–108.
- Markedonov, S.M. (2011). Russian Neo-Cossackism. The Quest for the Golden Age. *Znamya*, 9, 214–218.
- Masalov, A.G. (2003). Revival of the Russian Cossacks: the experience of political science analysis. *Bulletin of Universities. North Caucasus Region. Social Sciences*, 4, 44–48.
- Matsievsky, G.O. (2011). Revival of Russian Cossacks in the end of XX century: main sources and peculiarities. *Bulletin of KrasSAU*, 10, 209–216.
- Ozerov, A.A. (2003). Revival of the Cossacks: Ideas and Social Practice (Socio-Philosophical Aspect): (cfnidate's dissertation abstract). Rostov-on-Don.
- Program of the revival of the Cossacks in Volgograd. 1994. *Center for the Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region*, f. 1322, inv. 1, case 15, sh. 33.
- Rudichenko, T.S. (2004). Don Cossack song in historical development. Rostov-on-Don: Rostov State Conservatory named after S.V. Rakhmaninov.
- Rudichenko, T.S., Ryblova, M.A. (2014)ю Main trends and factors of socio-cultural transformations in XX century. In *Essays of History and Culture of Cossacks in Southern Russia*. Volgograd: Volgograd Branch of RANEPА.
- Rvachova, O.V., Labryuni, P.G. (2020). Traditional and modern forms of Cossack culture at the end of the XX and the beginning of the XXI century. Revival, transformation and cultural construction. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations*, 25(5), 197–212.
- Shchuplenkov, N.O., Shchuplenkov, O.V. (2018). Revival of the Cossacks in new social conditions: a variety of approaches. *Geopolitics and Patriotic Education*, 32, 8–19.
- Tabolina, T.V. (1999). Cossacks: the drama of revival. 1980–1990s. Moscow: IEIA RAS.
- Tyumentsev, I.O. (2006). On the question of the institutions of early Cossack communities. In *Multiformity and asymmetric development of regional economies of Southern Russia: risks of modernization and transformation mechanisms*. Collection of articles. Cherkessk: Karachay-Cherkessia State Technological Academy.
- Vodolatsky, V.P., Volkov, Y.G., Barkov, F.A. et al. (2011). Analytical report on the project of modern Russia (on the example of the Don Cossacks). Rostov-on-Don: South Russian branch of the Institute of Sociology RAS.
- Zhitenev, A.V. (2017). Renaissance of the Cossacks in the end of the XX – the beginning of the XXI centuries. *Almanac of World Science*, 3–2, 27–32.
- Strategy of the development of the State policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks up to 2020 (approved by the President of the Russian Federation on 15.09.2012 № Pr-2789). Available at: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v/>.

Дата получения рукописи: 28.02.2023

Дата окончания рецензирования: 30.03.2023

Дата принятия к публикации: 02.04.2023

Информация об авторе

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sectoral and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare